

Д.С. Мережковский

Антихрист Петр и Алексей

Том 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Д11

Д11 **Д.С. Мережковский**
Антихрист Петр и Алексей: Том 1 / Д.С. Мережковский – М.: Книга по Тре-
бованию, 2013. – 356 с.

ISBN 978-5-517-99261-1

ISBN 978-5-517-99261-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Теперь Докукинъ стоялъ передъ нимъ, въ своемъ оборваномъ кафтанишкѣ, похожій на нищаго. Это былъ самый обыкновенный подьячій изъ тѣхъ, которыхъ зовутъ чернильными душами, приказными строками. Жесткія, точно окаменѣлыя, морщины, жесткій, холодный взглядъ маленькихъ тусклыхъ глазъ, жесткая запущенная сѣдая борода, лицо сѣрое, скудное, какъ тѣ бумаги, которыя онъ переписывалъ; корпѣль, корпѣль надъ ними должно быть, лѣтъ тридцать въ своемъ приказѣ, бралъ взятки съ подрядчиковъ по любви да по совѣсти, а можетъ быть, и кляузничалъ, — и вотъ до чего вдругъ додумался: антихристъ хочеть быть.

«Ужъ не плутъ ли?» — усумнился царевичъ, взглядываясь въ него пристальнѣе. Но ничего плутовского или хитраго, а скорѣе что-то простодушное и безпомощное, угрюмое и упрямое было въ этомъ лицѣ, какъ у людей, одержимыхъ одною неподвижною мыслью.

— Я еще и по другому дѣлу изъ Москвы пріѣхалъ, — добавилъ старикъ и какъ будто замаялся. Неподвижная мысль съ медленнымъ усиленіемъ проступала въ жесткихъ чертахъ его. Онъ потушилъ глаза, пошарилъ рукою за пазухой, вытащилъ оттуда завалившіяся за подкладку съвозъ карманную прорѣху бумаги и подалъ ихъ царевичу.

Это были двѣ тоненькія засаленныя тетрадки въ четвертую долю, исписанныя крупно и четко, подьяческимъ почеркомъ.

Алексѣй началъ ихъ читать разсѣянно, но потомъ все съ бѣльшимъ и бѣльшимъ вниманіемъ.

Сперва шли выписки изъ святыхъ отцовъ,

пророковъ и Апокалипсиса объ антихристѣ, о кончинѣ міра. Затѣмъ — воззваніе къ «архипастырямъ великой Россіи и всей вселенной», съ мольбою простить его, Докукина, «дерзость и грубость, что мимо ихъ отеческаго благословенія написалъ сіе отъ многой скорби своей и жалости, и ревности къ церкви», а также заступиться за него передъ царемъ и прилежно упросить, чтобъ онъ его помиловалъ и выслушалъ.

Далѣе слѣдовала, видимо, главная мысль Докукина:

«Повелѣно человѣку отъ Бога самовластну быть».

И наконецъ — обличеніе государя Петра Алексѣевича:

«Нынѣ же всѣ мы отъ онаго божественнаго дара — самовластной и свободной жизни отрѣзаемы, а также домовъ и торговъ, земледѣльства и руководѣльства, и всѣхъ своихъ прежнихъ промысловъ и древле установленныхъ законовъ, паче же и всякаго благочестія христіанскаго лишаемы. Изъ дома въ домъ, изъ мѣста въ мѣсто, изъ града въ градъ гонимы, оскорбляемы и озлобляемы. Весь обычай свой и языкъ, и платье измѣнили, головы и бороды обрили, персоны свои ругательски обезчестили. Нѣтъ уже въ насъ ни доброты, ни вида, ни различія съ иновѣрными; но до конца смѣсилися съ ними, дѣламъ ихъ навыкли, а свои христіанскіе обѣты опровергли и святые церкви опустошили. Отъ Востока очи смежили, на Западъ ноги въ бѣгство обратили, страннымъ и невѣдомымъ путемъ пошли и въ землѣ забвенія погибли. Чужихъ усыновили, всѣми благами угобзили, а своихъ, природныхъ голодомъ поморили и, бьючи на праве-

жахъ, несносными податями до основанія разорили. Иное же и сказать неудобно, удобнѣе устами своимъ ограду положить. Но весьма сердце болитъ, видя опустошеніе Новаго Іерусалима и людъ въ бѣдахъ явленъ нестерпимыми язвами!»

«Все же сіе, — говорилось въ заключеніе, — творятъ намъ за имя Господа нашего Іисуса Христа. О, таинственные мученики, не ужасайтесь и не отчаивайтесь, станьте добре и оружіемъ Креста вооружитесь на силу антихристову! Потерпите Господа ради, мало еще потерпите! Не оставитъ насъ Христосъ, Ему же слава нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь».

— Для чего ты это писалъ? — спросилъ царевичъ, дочитавъ тетрадки.

— Одно письмо такое же намеренно подкинулъ у Симеоновской церкви на паперти, — отвѣчалъ Докукинъ. — Да то письмо, найдя, сожгли и государю не доносили и розыску не дѣлали. А эту молитву прибить хочу у Троицы, возлѣ дворца государева, чтобъ всѣ, кто бы ни читалъ, что въ ней написано, знали о томъ и донесли бы его царскому величеству. А написалъ сіе во исправленіе, дабы нѣкогда, пришедъ въ себя, его царское величество исправился.

«Плутъ! — опять промелькнуло въ головѣ Алексѣя. — А, можетъ быть, и доносчикъ! И догадалъ меня чортъ связаться съ нимъ!»

— А знаешь ли, Ларіонъ, — сказалъ онъ, глядя ему прямо въ глаза, — знаешь ли, что о семъ твоёмъ возмутительномъ и бунтовскомъ писаніи я, по должности моей гражданской и сыновней, государю батюшкѣ донести имѣю? Военскаго же Устава по артикулу двадцатому: кто противъ его

величества хулительными словами погрѣшить, тотъ живота лишень и отсѣченіемъ главы казненъ будетъ.

— Воля твоя, царевичъ. Я и самъ думаль было съ тѣмъ явиться, чтобы пострадать за слово Христово.

Онъ сказалъ это такъ же просто, какъ только что говорилъ о взяткахъ. Еще пристальнѣе вглядѣлся въ него царевичъ. Передъ нимъ былъ все тотъ же обыкновенный подьячій, приказная строка; все тотъ же холодный тусклый взглядъ, скучное лицо. Только въ самой глубинѣ глазъ опять зашевелилось что-то съ медленнымъ усиленіемъ.

— Въ умѣ ли ты, старикъ? Подумай, что ты дѣлаешь. Попадешь въ гарнизонный застѣнокъ — тамъ съ тобой шутить не будутъ: за ребро повѣсятъ, да еще прокоптятъ, какъ вашего Гришку Талицкаго.

Талицкій былъ одинъ изъ проповѣдниковъ конца міра и второго пришествія, утверждавшій, что государь Петръ Алексѣевичъ — антихристъ, и нѣсколько лѣтъ тому назадъ казненный страшною казнью копченія на медленномъ огнѣ.

— За помощью Божьей готовъ и духъ свой предать, — отвѣтилъ старикъ. — Когда не нынѣ, умремъ же всячески. Надобно бы что доброе сдѣлать, съ чѣмъ бы предстать передъ Господа, а то безъ смерти и мы не будемъ.

Онъ говорилъ все такъ же просто; но что-то было въ спокойномъ лицѣ его, въ тихомъ голосѣ, что внушало увѣренность, что этотъ отставной артиллерійскій подьячій, обвиняемый во взяткахъ, дѣйствительно пойдетъ на смерть, не ужасаясь,

какъ одинъ изъ тѣхъ таинственныхъ мучениковъ, о которыхъ онъ упоминалъ въ своей молитвѣ.

«Нѣтъ, — рѣшилъ вдругъ царевичъ, — не плутъ и не доносчикъ, а либо помѣшанный, либо въ самомъ дѣлѣ мученикъ!»

Старикъ опустилъ голову и прибавилъ еще тише, какъ будто про себя, забывъ о собесѣдникѣ:

— Повелѣно отъ Бога человѣку самовластно быть.

Алексѣй молча всталъ, вырвалъ листокъ изъ тетрадки, зажегъ его о горѣвшую въ углу передъ образами лампадку, вынулъ отдушникъ, открылъ дверцу печки, сунулъ туда бумаги, подождалъ, мѣшая кочергой, чтобъ онѣ сгорѣли до тла, и, когда остался лишь пепель — подошелъ къ Доукину, который, стоя на мѣстѣ, только глазами слѣдилъ за нимъ, — положилъ руку на плечо его и сказалъ:

— Слушай, старикъ. Никому я на тебя не донесу. Вижу, что ты человѣкъ правдивый. Вѣрю тебѣ. Скажи: хочешь мнѣ добра?

Доукинъ не отвѣтилъ, но посмотрѣлъ на него такъ, что не нужно было отвѣта.

— А коли хочешь, выкинь дурь изъ головы! О бунтовскихъ письмахъ и думать не смѣй — не такое нынче время. Ежели попадешься, да узнаютъ, что ты былъ у меня, такъ и мнѣ худо будетъ. Ступай съ Богомъ и больше не приходи никогда. Ни съ кѣмъ не говори обо мнѣ. Коли спрашивать будутъ, молчи. Да уѣзжай-ка поскорѣй изъ Петербурга. Смотри же, Ларіонъ, будешь помнить волю мою? .

— Куда намъ изъ воли твоей выступить? —

проговорилъ Докукинъ. — Видить Богъ, я тебѣ вѣрный слуга до смерти.

— О доносѣ фискальномъ не хлопочи, — продолжалъ Алексѣй. — Я слово замолвлю, гдѣ надо. Будь покоенъ, тебя освободятъ отъ всего. Ну, ступай . . . или нѣтъ, постой, давай платокъ.

Докукинъ подалъ ему большой синій клѣтчатый, полинялый и дырявый, такой же «мизерный», какъ самъ его владѣлецъ, носовой платокъ. Царевичъ выдвинулъ ящикъ маленькой орѣховой конторки, стоявшей рядомъ со столомъ, вынулъ оттуда, не считая, серебромъ и мѣдью рублей двадцать — для нищаго Докукина цѣлое сокровище — завернулъ деньги въ платокъ и отдалъ съ ласковой улыбкою.

— Возьми на дорогу. Какъ вернешься въ Москву, закажи молебенъ въ Архангельскомъ и частицу вынь за здравіе раба Божія Алексѣя. Только смотри, не проговорись, что за царевича.

Старикъ взялъ деньги, но не благодарилъ и не уходилъ. Онъ стоялъ попрежнему, опустивъ голову. Наконецъ, поднялъ глаза и началъ было торжественно, должно быть, заранѣе приготовленную рѣчь :

— Какъ древле Самсону утолилъ Богъ жажду чрезъ ослиную челюсть, такъ и нынѣ тотъ же Богъ не учинитъ ли черезъ мое неразуміе тебѣ, государь, нѣчто полезное и прохладительное ?

Но вдругъ не выдержалъ, голосъ его пресѣкся, торжественная рѣчь оборвалась, губы задрожали, весь онъ затрясся и повалился въ ноги царевичу.

— Смилуйся, батюшка ! Послушай насъ бѣдныхъ, вопіющихъ, послѣднихъ рабовъ твоихъ ! Порадѣй за вѣру христіанскую, воздвигни и досмо-

три, даруй церкви миръ и единомысліе. Ей, государь царевичъ, дитячко красное, церковное, солнышко ты наше, надежда Россійская! Тобой хочеть весь міръ просвѣтиться, о тебѣ люди Божіи расточенные радуются! Если не ты по Господѣ Богѣ, кто намъ поможетъ? Пропали, пропали мы всѣ безъ тебя, родимый. Смилуйся!

Онъ обнималъ и цѣловалъ ноги его съ рыданіемъ. Царевичъ слушалъ, и ему казалось, что въ этой отчаянной мольбѣ доносится къ нему мольба всѣхъ погибающихъ, «оскорбляемыхъ и озлобляемыхъ» — вопль всего народа о помощи.

— Полно-ка, полно, старикъ, — проговорилъ онъ, наклонившись къ нему и стараясь поднять его. — Развѣ я не знаю, не вижу? Развѣ не болить мое сердце за васъ? Одно у насъ горе. Гдѣ вы, тамъ и я. Коли дастъ Богъ, на царствѣ буду — все сдѣлаю, чтобъ облегчить народъ. Тогда и тебя не забуду: мнѣ вѣрные слуги нужны. А пока терпите да молитесь, чтобы скорѣе далъ Богъ совершеніе — буде же воля Его святая во всемъ!

Онъ помогъ ему встать. Теперь старикъ казался очень дряхлымъ, слабымъ и жалкимъ. Только глаза его сіяли такою радостью, какъ будто онъ уже видѣлъ спасеніе Россіи.

Алексѣй обнялъ и поцѣловалъ его въ лобъ.

— Прощай, Ларіонъ. Дастъ Богъ, свидимся, Христось съ тобой!

Когда Докукинъ ушелъ царевичъ сѣлъ опять въ свое кожаное кресло, старое, прорванное, съ волосяною обивкою, торчавшею изъ дыръ, но очень

покойное, мягкое, и погрузился не то въ дремоту, не то въ оцѣпенѣніе.

Ему было двадцать пять лѣтъ. Онъ былъ высокаго роста, худъ и узокъ въ плечахъ, со впадою грудью; лицо тоже узкое, до странности длинное, точно вытянутое и заостренное книзу, старобразное и болѣзненное, со смугло-желтымъ цвѣтомъ кожи, какъ у людей, страдающихъ печенью; ротъ очень маленькій и жалобный дѣтскій; непомѣрно большой, точно лысый, крутой и круглый лобъ, обрамленный жидкими косицами длинныхъ, прямыхъ черныхъ волосъ. Такія лица бывають у монастырскихъ служекъ и сельскихъ дьячковъ. Но когда онъ улыбался, глаза его сіяли умомъ и добротою. Лицо сразу молодѣло и хорошѣло, какъ будто освѣщалось тихимъ внутреннимъ свѣтомъ. Въ эти минуты напоминалъ онъ дѣда своего, Тишайшаго царя Алексѣя Михайловича въ молодости.

Теперь, въ грязномъ плафрокѣ, въ стоптаныхъ туфляхъ на босую ногу, заспанный, не бритый, съ пухомъ въ волосахъ, онъ мало похожъ былъ на сына Петра. Съ похмѣлья послѣ вчерашней попойки проспалъ весь день и всталъ недавно, только передъ самымъ вечеромъ. Черезъ дверь, отворенную въ сосѣдную комнату, видна была небубранная постель со смятыми огромными пуховиками и несвѣжимъ бѣльемъ.

На рабочемъ столѣ, за которымъ онъ сидѣлъ, валялись въ беспорядкѣ заржавѣшіе и запыленные математическіе инструменты, старинная сломанная кадиленка съ ладаномъ, табачная терка, пеньковыя пипки, коробочка изъ-подъ пудры для волосъ, служившая пепельницей; вороха бумагъ

и груды книгъ въ такомъ же безпорядкѣ: рукописныя замѣтки ко всемірной Лѣтописи Баронія покрывала куча картузнаго табаку; на страницѣ раскрытой, растерзанной, съ оборваннымъ корешкомъ, *Книги именуемой Геометрія или Землемѣтріе радикасомъ и циркулемъ къ наученію мудролюбивыхъ тщателей*, лежалъ недоѣденный соленый огурецъ; на оловянной тарелкѣ — обглоданная кость и лишкая отъ померанцевой настойки рюмка, въ которой билась и жужжала муха. И по стѣнамъ съ ободранными, замараными шпалерами изъ темно-зеленой травчатой клеенки, и по закоптѣлому потолку, и по тусклымъ стекламъ оконъ не выставленныхъ, несмотря на жаркій конецъ іюня — всюду густыми черными роями жужжали, кипѣли и ползали мухи.

Мухи жужжали надъ нимъ. И въ умѣ его сонныя мысли роились какъ мухи. Онъ вспомнилъ драку, которой кончилась вчерашняя попойка. Жибанда ударилъ Засышку, Засышка — Захлюстку, и отецъ Адъ и Грачъ съ Молохомъ свалились подъ столъ; это были прозвища, данныя царевичемъ его собутыльникамъ, «за домовную издѣвку». И самъ онъ, Алексѣй Грѣшный — тоже прозвище — кого-то билъ и дралъ за волосы, но кого именно, не помнить. Тогда было смѣшно, а теперь гадко и стыдно.

Голова разбаливалась. Выпить бы еще померанцевой, опохмѣлиться. Да лѣнь встать, позвать слугу, лѣнь двинуться. А сейчасъ надо одѣваться, напяливать узкій мундирный кафтанъ, надѣвать шпагу, тяжелый парикъ, отъ котораго еще сильнѣе болитъ голова, и ѣхать въ Лѣтній садъ на ма-

скарадное сборище, гдѣ велѣно быть всѣмъ «подъ жестокимъ штрафомъ».

Со двора доносились голоса дѣтей, игравшихъ въ веревочку и въ стрякотки-блякотки. Большой взъерошенный чижижъ въ клѣткѣ надъ окномъ изрѣдка чирикалъ жалобно. Маятникъ высокихъ, стоячихъ, съ курантнымъ боемъ, англійскихъ часовъ — давнишній подарокъ отца — тикалъ однообразно. Изъ комнатъ верхняго жилья слышались унылыя безконечныя гаммы, которыя разыгрывала на дребезжащемъ, старенькомъ нѣмецкомъ клавишинѣ жена Алексѣя, кронпринцесса Софія Шарлотта, дочь Вольфенбюттельскаго герцога. Онъ вдругъ вспомнилъ, какъ вчера, пьяный, ругалъ ее Жибаудѣ и Захлюсткѣ: «вотъ жену мнѣ на шею чертовку навязали: какъ-де къ ней не приду, все сердитуетъ и не хочетъ со мною говорить. Эдакая фря нѣмецкая!» — «Не хорошо, — подумалъ онъ. — Много я пьяный лишникъ словъ говорю, а потомъ себя очень зазираю»... И чѣмъ она виновата, что ее почти ребенкомъ насильно выдали за него? И какая она фря? Больная, одинокая, покинутая всѣми на чужой сторонѣ, такая же несчастная, какъ онъ. И она его любитъ — можетъ быть, она одна только и любитъ его. Онъ вспомнилъ, какъ они намедни поссорились. Она закричала: «послѣдній сапожникъ въ Германіи лучше обращается со своею женою, чѣмъ вы!» Онъ злобно пожалъ плечами: «Возвращайтесь же съ Богомъ въ Германію!» . . — «Да, если бы я не была»... и не кончила, заплакала, указывая на свой животъ — она была беременна. Какъ сейчасъ видитъ онъ эти припухшіе, блѣдно-голубые глаза и слезы, которыя, смывая пудру — только что бѣдняжка